

БОРИС  
СОКОЛОВ

## Правда солдата

*Правда солдата. От Брянска до Кёнигсберга*

НИКОЛАЙ ТАТЬКОВ

М.: Вече, 2024. – 544 с.



*Борис Вадимович  
Соколов (р. 1957) –  
историк, филолог, член  
ассоциации ПЭН-Москва.*

**Н**иколай Федорович Татков с августа 1943-го до апреля 1945 года воевал сержантом, сначала как боец расчета противотанкового ружья, потом как артиллерист в составе 324-й стрелковой дивизии 50-й армии. Трижды был ранен. После войны Татков стал кадровым офицером, окончив с отличием в 1958 году Военно-политическую академию; из армии уволился подполковником и, уже будучи в отставке, получил звание полковника. После отставки работал начальником штаба гражданской обороны в Театре имени Вахтангова и начальником отдела кадров в художественном фонде московского Союза художников. Таким образом, свой окопный опыт Татков осмысливал с учетом послевоенного опыта и знаний. Писались мемуары в конце 1980-х – начале 1990-х, когда в эпоху перестройки пересматривалась советская схема истории Великой Отечественной войны и делались попытки обрисовать и осмыслить ее реальную картину. Татков, стараясь быть максимально объективным, отобразил в мемуарах свою собственную, во многом оригинальную картину войны – собственную «окопную правду», осмысленную с учетом последующего офицерского опыта. Тем не менее в мемуа-

НОВЫЕ  
КНИГИ



рах представлен взгляд именно рядового, а не офицера, и автор оговаривается, что «рядовой красноармеец не всегда знает мотивы маневра подразделений, не говоря о маневре частей и соединений» (с. 128–129). Мемуары увидели свет через тридцать с лишним лет после написания – и через четверть века после смерти автора, скончавшегося в 1999 году в возрасте 75 лет<sup>1</sup>. Книгу к публикации подготовили его дети – Владимир и Олег Таньковы.

Таньков начинает повествование с 22 июня 1941 года. В этот день они с отцом и другими родственниками из деревни Долгиновка Больше-Тархановского района Татарской АССР занимались заготовкой и сплавом дров на Волге:

«В это время свободные от работ в колхозе мужчины старались на Волге на различных работах подзаработать, так как в колхозе на трудодни денег практически не выдавали. [...Поэтому] перед войной появилась тенденция ухода из колхоза, так как на трудодень давали очень мало или вообще не давали, как в 1936 году» (с. 6, 8).

В 1941-м была засуха, «мы тогда очень бедствовали, особенно весной и летом [...] до созревания хлебов и картошки» (с. 18). Таньков был мордвин, а до революции, как свидетельствовал этнограф Николай Никольский, «сравнительно мордва живет лучше других народностей в тех же местностях; в Саратовской губернии, например, задолженность ее меньше, чем чуваш, русских и татар»<sup>2</sup>. Но после революции и коллективизации все народы Поволжья более или менее сравнялись в нищете. Столь же тяжело было семье Танькова и их односельчанам в войну:

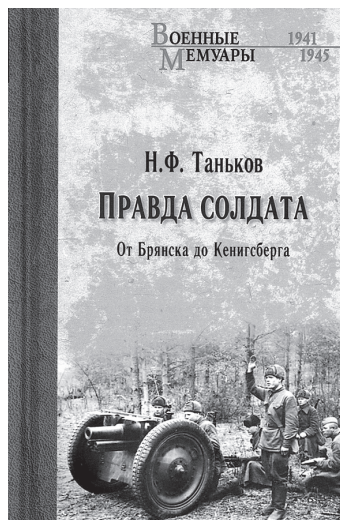
«Из колхоза на трудодень ничего не давали. Работающих на сенокосе, уборке сена, хлеба, молотье во время пашни кормили только обедом. А чем семью кормить в завтрак, обед, ужин и работающего на указанных работах в завтрак и ужин? Промышляли кто как мог. Моя мама, да и другие жители деревни летом молоко сами не ели, а вывозили на караваны баржей с солью» (с. 202).

На молоко выменивали соль, а потом на соль – муку и картофель. Но и этого хватало только на то, чтобы не умереть с голоду. Обмен же молока на соль был делом рискованным, так как, причаливая к барже, лодка могла перевернуться от волн буксира и все могли утонуть. Однажды мать Танькова чуть не погибла, но, к счастью, все обошлось.

Таньков фиксирует толки, возникшие после нападения Германии на СССР:

- 1 Буквы «Т–У». Книга памяти «Они вернулись с победой» // Тетюшские зори. 2019. 23 ноября (<https://tetyushy.ru/news/kniga-pamyati-oni-vernulis-s-pobedoy/kniga-pamyati-bukvy-t-u>).
- 2 Никольский Н. В. *Собрание сочинений: В 4 т.* Чебоксары: Чувашское книжное издательство, 2008. Т. 3 («Труды по истории, культуре и статистике народов Волго-Уралья и Сибири»). С. 328.

БОРИС СОКОЛОВ  
ПРАВДА СОЛДАТА



«Говорили, что Гитлер обманул Сталина, заключив пакт о ненападении. Такие заявления делались в узком кругу, с оглядкой, иначе можно было объясняться за это в соответствующей организации и поехать в не столь отдаленное место. В целом в народе была уверенность в нашей победе даже в самых критических ситуациях. Вначале высказывалось мнение: через день–два Гитлера Красная армия погонит назад. [...] Когда немец оказался под Москвой, опять же в основном люди не теряли оптимизма. Ну и что, что Гитлер под Москвой? Наполеон был в Москве, а все равно его прогнали!» (с. 9).

В качестве причин поражений называли то, что «плохо готовились к войне с Германией, почему мало танков и авиации» (с. 8–10). Отступление же Красной армии объясняли «предательством высших командиров» (с. 19) – очевидно, помнили о «чистке» армейских рядов в 1937–1938 годах. По свидетельству Танькова, ветераны Первой мировой войны считали, что «у нынешних солдат, то есть красноармейцев, особенно молодых, нет таких высоких боевых качеств», какие в их время были у русских солдат, чьих штыковых атак немцы не выдерживали. Таньков этого мнения не разделял и из единственной штыковой атаки, в которой участвовал, вышел победителем (с. 36).

Танькова призвали в армию в августе 1942 года и, принимая во внимание его семь классов школы, сначала хотели определить в артиллерийское училище. Но, поскольку набор туда был закончен, он в итоге попал в 32-й противотанковый полк 2-й отдельной учебной бригады, где из него стали готовить сержанта – командира отделения противотанковых ружей. Поскольку в бригаде было много призывников из автономных республик Поволжья, то «взводы и даже отделения были многонациональными». Поэтому Таньков был возмущен, когда Немцев – командир одного из взводов – «перед строем в адрес курсантов нерусской национальности употреблял унижающие национальное достоинство слова, чего никогда не делал Родзянко» (командир взвода Танькова) (с. 58).

В учебном лагере курсанты фактически голодали. Таньков свидетельствовал:

«Кормили очень плохо. До наступления зимних холодов питались в летней столовой. Зимних столовых не было. За солдатский стол садились человек 12. На стол до нашего прихода ставили одно небольшое ведро супа (это в обед). Суп чаще был с рыбными консервами и очень жидкий. [...] Учитывая наш возраст, интенсивные занятия по боевой подготовке (причем до учебного поля и обратно 1,5–2 км, как правило, бежали), тяжелые работы (рыли котлован, носили строительный материал за 3 км и т.д.), еды нам крайне не хватало. Все похудели, как-то почернели, стали угловатыми. Появилась категория курсантов, так называемые самими курсантами, “доходяги”. При ходьбе в строю они отставали, поэтому их ставили

на левый фланг, а в движении замыкали колонну и всегда отставали от нас. Некоторые курсанты стали шарить по помойкам или выпрашивать у кулинарного наряда что-то съедобное. Таких стали называть “шакалами”, а сами действия по добыче пищи называли “шакалить”, “пошел шакалить”, “ходил шакалить”» (с. 62–63).

Если так голодали военнослужащие тыловых частей, то можно представить, как приходилось страдать мирному населению на неоккупированной территории.

Таньков подробно описывает, как 7 сентября 1943 года в первый раз ходил в атаку. Когда им еще до рассвета вместе с завтраком выдали 100 граммов водки, он понял, что придется наступать, так как из рассказов фронтовиков знал, что в летнее время водку дают только в подобных случаях.

«Перед наступлением я старался не наедаться. Во всяком случае добавки не просил. [...] Когда были еще в лагере “Песочный”, командир отделения фронтовик Ключин рассказывал, что очень плохо получить ранение в живот, особенно при полном желудке и кишках. Пуля или осколок пробивает желудок и кишки, из которых содержимое вытекает в полость живота, вследствие чего бывает заражение. Таких раненых, как правило, довозят только до медсанбата дивизии. Из рассказа командира отделения у меня появилась боязнь быть раненым в живот. Конечно, каждый из нас боялся смерти. Водку перед наступлением давали, чтобы у бойца снять как-то напряжение и помочь ему победить в себе страх возможной смерти» (с. 113).

Кормили на линии фронта обычно два раза – перед рассветом и с наступлением ночной темноты, чтобы не подвергаться обстрелам и использовать светлое время суток для боевой работы. Таньков с ностальгией вспоминал знаменитую американскую тушенку:

«На фронте, особенно в наступлении, кормили два раза. Иногда в обороне – три раза, если позволяли условия, что бывало крайне редко. Всегда было густое первое или второе. Бывал и чай. Мне нравилась каша или суп с американской консервированной колбасой, особенно, когда колбасы было много» (с. 131).

Смерть, возможность быть убитым – такова главная фронтовая реальность. Таньков посвящает немало места в своей книге этой теме. В частности, приводит рассуждения одного из своих товарищей в сентябре 1943 года: «Если суждено быть убитым, лучше бы убило сейчас. А то примешь все муки, а где-то в конце войны убьют» (с. 129).

И, конечно, в военных мемуарах речь идет о собственно боевых действиях. Много внимания Таньков уделяет неудачной

атаке на деревню Липовка 18 сентября 1943 года. Из-за ошибки разведки, считавшей, что больших сил немцев в деревне нет, в наступление пошли походной колонной без артподготовки. Уже потом, после взятия Липовки среди красноармейцев царило недовольство:

«Ну вот, немцы сами ушли. Можно было вчера не наступать и не погубить столько людей». Ругали и разведку за то, что она неправильно информировала командиров о расположении немцев к утру 18 сентября. Рядовые воины высказывали мнение, что разведка доложила: «Немцев в деревне Липовке нет». Поэтому мы пошли на Липовку походной колонной. Были даже такие высказывания: «Это вредительство, предательство, за это надо расстреливать»» (с. 137).

Списывать собственные ошибки и провалы на предательство и вредительство было характерной чертой сталинского времени. Сам же Таньков философски замечает: «Рядовой боец далеко не всегда знал, почему так, а не по-другому, но, как правило, догадывался, когда жертвы были оправданны, поскольку война есть и война, а когда и нет» (с. 137). Злосчастное наступление на Липовку он описывает так:

«До наступления рассвета позавтракали, после чего выстроились в батальонную колонну и по дороге пошли колонной к Липовке. Когда до нее оставалось метров 300–400, вдруг гитлеровцы осветили нас ракетами (было еще темно) с нескольких мест, и тут же по нашей колонне открыли плотный ружейно-пулеметный огонь. В моей памяти остался пулеметный. Пулеметы у немцев были очень скорострельные. Пулеметные очереди, состоящие из трассирующих пуль, словно лазерные лучи, проникали в нашу колонну. Многие тут же замертво упали на дорогу. Раздались стоны раненых, крики о помощи. Не дожидаясь команды, мы рассыпались: кто лег в кювет, кто отбежал вправо или влево от дороги. Не помогли и крепкие слова командиров. Наша атака деревни не состоялась из-за сильного плотного пулеметного огня противника, отсутствия с нашей стороны артиллерийской поддержки. Танков на нашем направлении вообще не было. Много прошло времени, а помню этот трагический для многих день до сего времени. Десятки убитых бойцов на дороге и около нее, стоны и крики раненых. Оказывать им помощь не было возможности. Некоторые тут же умирали. Кто мог из раненых идти или ползти, стал отходить в тыл, многих из них немецкие пулеметчики или стрелки добивали в пути. Видя это, некоторые раненые лежали в кювете или, вырыв, если не был ранен в руку, неглубокий окоп, лежали и ждали наступления вечера, а под покровом темноты уходили сами как могли в тыл» (с. 131–132).

К 19 сентября за одиннадцать дней боев, включая наступление на Липовку, взвод, где служил Таньков, из 23 человек потерял 18 убитыми и ранеными (с. 137).

Еще одна важная деталь, касающаяся того, как обстояли дела на передовой. Описывая бой, который произошел 26 марта 1944 года, Таньков вспоминает, как, возвращаясь в тыл из занятой немецкой траншеи, «увидел много убитых наших бойцов», в том числе умерших от ран до того, как им оказали помощь:

«Далеко не всегда во время боя ходила под разрывами снарядов и мин и под свист немецких пулеметов специальная команда собирала раненых. Во всяком случае я такого ни разу не наблюдал, тем более не видел на поле боя женщин-санитарок, которые тащили бы на себе или волоком на плащ-палатке раненого или перевязывали раненого» (с. 307).

Если раненых и выносили с поля боя, то делали это крепкие санитары-мужчины. Что вновь ставит под вопрос реальность историй о десятках и даже сотнях раненых, вынесенных с поля боя медсестрами и санитарками, – соответственно, и статистику соответствующих наградений.

Мемуары Танькова содержат богатый материал по организации быта и повседневности фронтовой жизни. Не обходит он и тему так называемых ППЖ («походно-полевых жен») – сожительниц офицерского состава. Как правило, роскошь иметь ППЖ могли позволить себе командиры батальона и выше, вплоть до маршалов, а также штабные офицеры. У тех, кто командовал ротой, а уж тем более взводом, не было своего блиндажа или землянки, где можно уединиться. Таньков приводит рассказ одного бойца штрафной роты, с которой он стоял по соседству у крепости Осовец в августе–сентябре 1944 года:

«Был в штрафной роте бывший шофер командующего фронтом Рокоссовского К.К. По его рассказу, он попал в штрафную роту за то, что сожительствовал с любовницей (ППЖ) Рокоссовского К.К. Рассказы бывшего шофера, которые я запомнил, были о том, как Рокоссовский ругал командующих армиями. Рассказывал, в частности, как командующий фронтом ругал нашего командующего 50-й армией Болдина И.В. за плохо проведенное наступление армии в марте 1944 года в районе Чаусы, который был правее нас. Мы тоже участвовали в этом наступлении. По рассказу шофера-штрафника, Рокоссовский сказал Болдину: “Я у Сталина еще достану эшелон снарядов, а тебя, дурака, научу воевать”» (с. 312–313).

То, что у Рокоссовского была ППЖ, военврач 2-го ранга Галина Таланова, которая в январе 1945-го родила от него дочь Надежду, сейчас широко известно, но вряд ли многие знали об этом в 1944 году. И в каких отношениях состояла Таланова с безымянным шофером, мы не знаем, да это и не важно. А вот с генерал-полковником Иваном Болдиным у Рокоссовского действительно были плохие отношения (в мемуарах «Страницы





жизни» (1961) Болдин ухитрился ни разу не упомянуть фамилию маршала). В феврале 1945-го уже в Восточной Пруссии Рокоссовский снял Болдина с должности за то, что тот не выявил отхода противника и провел многочасовую артиллерийскую подготовку по пустому месту. Замечу, что это была очень распространенная ошибка советских военачальников, и за нее, как правило, с должности, не снимали. Сам Таньков описывает такую атаку 25 марта 1944 года, когда артподготовка была проведена по практически пустой первой траншее немцев и на следующий день ее пришлось повторять по второй траншее.

В последние годы войны в Красной армии возросла доля представителей народов Центральной Азии, ранее не служивших, что способствовало росту потерь. Таньков пишет:

«[Призванные в армию узбеки] действовали медленно, [...] рассредотачивались медленно, расходились кучками, и то под крики командиров. [...] Окапывались узбеки тоже медленно. Окопавшись, они ложились на дно окопов. Командиры заставляли их вести стрельбу по гитлеровцам, а не лежать на дне окопа. [...] Многие [...] остались после нашего ухода лежать мертвыми, особенно на дороге и в поле у деревни Липовки» (с. 135).

При этом никакого национального высокомерия у Танькова нет. Он высоко оценивает действия помощника командира взвода, узбека по национальности, который под огнем противника вернул своих подчиненных в бой, и тепло отзывается о своем втором номере – узбеке Вахабе.

Остановимся на одном из боев, подробно описанных Таньковым; на его примере можно наблюдать, как функционировал механизм войны на передовой в том виде, как ее вела советская сторона. Дело происходит в середине октября 1943 года в Могилёвской области Белоруссии, в районе деревни Улуки на западном берегу реки Прони. 324-я дивизия понесла очень большие потери, поскольку саперы так и не смогли проделать проходы в немецких проволочных заграждениях, а артподготовка была слабой.

«На том участке, где мне пришлось воевать, наша артиллерия в обороне очень редко вела огонь. Снаряды берегли для наступления. Немцы же в обороне очень часто обстреливали и наш передний край, и подступы к нему, и наши тылы» (с. 163).

Впрочем, порой и в наступлении советская артиллерия не слишком щедро поддерживала свою пехоту. Во время атаки на второй день боев, по воспоминаниям Танькова, «раненых было меньше, чем убитых», но командиры и политработники требовали «прорвать оборону противника во что бы то ни стало» (с. 156). В результате уже в начале ноября из-за больших по-

терь дивизию вывели на переформирование (с. 152). Отметим, что это произошло, несмотря на то, что до того, еще 24 октября, прибыло пополнение из числа местных жителей, мобилизованных непосредственно в части полевыми военкоматами: «Одеты они были в синие телогрейки, обуты кто во что, на головах у кого кепка, у кого картуз, а у кого и шапка» (с. 162). Точно так же была одета переброшенная в ночь на 25 октября штрафная рота в 450 человек. Туда направляли тех, кто был уличен или подозревался в коллаборационизме при оккупации этих мест немцами. Начиная со второй половины 1943 года именно эти люди преобладали в штрафных ротах.

То, что сегодня называют «мясными штурмами», родилось гораздо раньше – и практиковалось еще в Великую Отечественную войну. И, поскольку призванные непосредственно в части, включая штрафников, практически не имели боевой подготовки, потери среди них были особенно велики:

«Убитых наших воинов перед проволочным заграждением и по всему луку от реки до траншеи противника было очень много. А перед проволочным заграждением и траншеей противника, где наступала штрафная рота, убитые в синих телогрейках местами лежали один на другом» (с. 165–166).

Батальон Танькова в тех боях на реке Проне потерял почти всех бойцов. Погиб и комбат. Сам же Таньков уцелел только благодаря тому, что, притворившись мертвым, целый день до сумерек пролежал на занятой немцами территории, а потом выбрался к своим. К моменту вывода 1091-го полка на переформирование из 75 красноармейцев, прибывших в августе 1943 года вместе с Таньковым из учебной бригады, в строю остались только он и еще один (с. 198). Как Таньков узнал уже через много лет после войны, за многими погибшими из числа местных жителей «приезжали жены, родственники и хоронили по месту жительства. Некоторые убитые лежали всю зиму, а весной воды разлившейся реки Прони унесли их вниз по течению» (с. 199).

Таньков описывает еще одну атаку штрафников 23 февраля 1944 года, когда рота численностью в сто человек погибла практически целиком: «Их остановили плотным огнем. Затем штрафники залегли (отходить им ни в коем случае было нельзя) и их, лежащих, до единого перебили» (с. 273). В тот же день Таньков наблюдал другую ситуацию – и это один из самых трагических эпизодов в книге:

«От Днепра бежит боец в направлении центра батальона, не добежав метров сто, он падает. Поднимает голову, пытается ползти, но ничего не получается. Поняли, что он ранен. [...] Из центра батальона вышел из траншеи один красноармеец и побежал на



помощь, не добежав до раненого метров десять, упал, сраженный пулей, и не шевелился больше. А раненый боец (говорили: связист, устранял разрыв в проводной связи) продолжал поднимать голову и, надо думать, просил помощи (слов его я не слышал). На помощь ему побежал еще один красноармеец, который добежал до убитого красноармейца и тоже упал почти рядом с ним, не подавая никаких признаков жизни [вероятно, работал немецкий снайпер. – Б. С.]. Когда побежал на помощь раненому второй красноармеец, я напряженно смотрел в расположение немцев, чтобы из противотанкового ружья уничтожить того гитлеровца, который убил нашего спешившего на помощь раненому, но, к сожалению, сколько ни смотрел – обнаружить не смог. Раненый связист поднимал голову, но на помощь ему больше никто не побежал. Видимо, решили, сколько ни посылай, все могут погибнуть, а раненому все равно не поможешь. Связист все реже поднимал голову, затем только руками шевелил, а вскоре и руками перестал шевелить» (с. 266–267).

Вслух говорить о советских потерях было небезопасно уже во время войны. Таньков описывает случай в медсанбате:

«Когда я рассказывал о наших потерях и об убитых не только в боях в октябре, но и в боях за Липовку, офицер в меховой телогрейке подошел ко мне и говорит: “Об этом нельзя говорить”. На это я ответил: “Я правду говорю”. “Все равно нельзя”, – услышал ответ. Офицер отошел, а мой знакомый вполголоса сказал: “Тыловая крыса, тебя бы туда”» (с. 231).

Как отмечает Таньков, большие потери, превышавшие советские, немцы несли только тогда, когда им приходилось прорываться из окружения без поддержки артиллерии и танков, как это было, например, во время операции «Багратион» в Белоруссии:

«С рассветом 4 июля 1944 года вдоль дороги двинулись несколько групп немцев, но мы их довольно успешно отбили, и они обратно бежали в лес. На этот раз нам было отбивать атаки немцев легче, потому что они наступали без артподготовки и без танков. [...] Довольно прицельно и относительно спокойно мы стреляли по гитлеровцам, и довольно много их осталось лежать на белорусской земле. Правда, они тоже по нам довольно густо стреляли, но прицельность огня у них не такая, так как они стреляли с ходу и наступали без танков, что делали они очень редко» (с. 371–372).

Тогда же в районе Минска Таньков сравнивает потери советской и немецкой сторон с сослуживцем по фамилии Родионов:

«Родионов был твердо убежден, что мы несем больше потерь исходя из боев, в которых мы участвовали. Например, в боях за Днепром в феврале 1944 года, как он говорил, сколько наших погибло, а когда занимали немецкие позиции, то или вообще не видели

убитого фрица, или их были единицы. Трудно было ему возражать, так как сам был свидетелем, когда занимали деревню или позицию с большими потерями, а убитых немцев не видели. Так было в бою под Липовкой Дубровского района Брянской области, где только наш взвод потерял убитыми четыре человека. Или в бою на реке Проне в октябре 1943 года на лугу и перед проволочными заграждениями немцев наших бойцов осталось навечно большое количество. А когда заняли позиции фрицев, убитых гитлеровцев видел не более десяти человек. Эти примеры можно продолжить. Наш разговор с Родионовым о количестве наших и немецких потерь завязался в связи с тем, что мы видели много убитых немцев, то есть больше, чем мы потеряли. Родионов, согласившись с этим, в то же время сказал, что это бывает, только когда немцы в “котле”. Как в данном случае, а в других случаях наступления наши потери намного больше, чем немцев. Исходя из опыта наступления, где я участвовал, с ним трудно было не согласиться» (с. 382).

Первого пленного немца Таньков увидел в конце июня 1944 года, во время операции «Багратион» (с. 370). И здесь он свидетельствует о расстреле пленных:

«Впереди шли 12 пленных. Один из бойцов стрелкового взвода указал на пленного, который ранил командира взвода. Кто-то сказал, что надо этого гитлеровца расстрелять. Командир роты разрешил. Один младший сержант кавказской национальности вывел стрелявшего в командира взвода гитлеровца из группы пленных. Гитлеровец что-то сказал своим. Один пленный что-то ему ответил. Гитлеровец пошел спокойно, как мне показалось, впереди нашего младшего сержанта. Через некоторое время услышали два выстрела» (с. 376).

«Ненависть к немцам воспитывали сами немцы своими действиями и злодеяниями на оккупированной ими нашей земле. Нельзя вспомнить без душевного содрогания убитых гитлеровцами мирных белорусских жителей около Смолицы. Вообще немецко-фашистских захватчиков было, за что ненавидеть. Учитывая все это, а также необходимость исполнения воинского долга, мы с врагами не миндальничали, памятуя принцип: “если я его, немца, не убью – он меня убьет”» (с. 373–374).

Впрочем, вышеописанный эпизод не производит впечатления стихийной расправы. Наоборот, все происходит неторопливо и с ведома и предварительного одобрения командования. Возможно, командиры таким образом стремились «выпустить пар» у бойцов, уцелевших в «мясных штурмах».

В конце войны уже на территории Восточной Пруссии Таньков не отмечает никаких актов мести в отношении немецкого населения – ни убийств, ни грабежей. Красноармейцы брали из оставленных местными жителями домов продукты и иногда часы.

Но вернемся к свидетельствам Танькова о тех, кто был мобилизован с оккупированных территорий. Некоторые из них участвовали в партизанском движении, но вспоминать об этом не очень любили. Те же, кто не участвовал, рассказали немало интересного о действиях партизан:

«Кто не был в партизанах, особенно Родионов, обращаясь ко мне, говорил: “Товарищ сержант, да какие это партизаны, это же четыре «О»”. На мой вопрос, что значит четыре “О”, Родионов пояснил примерно так: “Вот такие партизаны, как Давыдов, получают задание от командира разгромить полицейский участок или сделать засаду на дороге и уничтожить проезжающую машину с немцами. Эти партизаны уходят из партизанского лагеря, доходят самое большее до опушки леса, целый день или ночь проспят, затем возвращаются и докладывают: “Обнаружили, обстреляли, обоср., отошли”. Далее Родионов сказал, что у них в деревне партизаны у кого увели коров, оставив без молока детей, у другого скотину. Кто был в партизанах, не очень-то возражал Родионову, так как они ушли в партизаны за два–три месяца до прихода Красной армии, как выяснилось при разговоре» (с. 209).

Важны и интересны свидетельства мемуариста о, так сказать, «лексическом быте» передовой. По свидетельству Танькова, «бойцы говорили не “противник”, а “фриц”, “немец”, “гитлеровец”, реже “фашист”» (с. 144). Интересно, что, судя по дневникам и письмам немецких солдат, они называли своего противника «иванами», «русскими» (оба слова часто в единственном числе), реже «большевиками», но почти никогда – «сталинцами». Думаю, это можно объяснить тем, что в советской пропаганде одно из центральных мест занимало карикатурное изображение Гитлера, на которого возлагалась главная ответственность за войну. В германской же пропаганде Сталин отнюдь не занимал центрального места. Там упор делался на то, что русские в союзе евреями являются злейшими врагами германского народа, большевики же в значительной мере отождествлялись с евреями<sup>3</sup>.

Еще одно слово из фронтового словаря советских солдат: Таньков объясняет, почему немецкий самолет-разведчик фокке-вульф-189 советские солдаты называли «рамой», и описывает, как эта «рама» однажды их бомбила:

«Между задней частью крыла, хвостовым оперением и направляющими свободное пространство. Если самолет-разведчик над головой, то это пространство напоминает окно, а задняя часть, крылья, направляющие и передняя часть хвостового оперения – раму» (с. 218).

3 См., например, советские и германские пропагандистские плакаты и карикатуры периода Второй мировой войны: Белоусов Л., Ватлин А. *Пропуск в рай: сверхоружие последней мировой*. М.: Вагриус, 2007.

«“Рама” сбросила, как называли, кассетную бомбу с гранатами. Немцы применяли такие бомбы для поражения пехоты. [...] Кассетные бомбы или контейнер сбрасывали с самолета, и на каком-то расстоянии от самолета раскрывался контейнер и гранаты (маленькие бомбы), рассеиваясь, летели вниз» (с. 258).

БОРИС СОКОЛОВ  
ПРАВДА СОЛДАТА

Таньков был награжден трижды. Первый раз он удостоился медали «За отвагу» за то, что 27 октября 1943 года «из своего ружья подбил один танк противника»<sup>4</sup>. Орден Славы 3-й степени он получил за бой 5 июля 1944 года «по уничтожению окруженной группировки противника восточнее города Минска», когда он во главе отделения «стойко удерживал свой рубеж», а «в рукопашной схватке с численно превосходящим противником отделение уничтожило 14 немецких солдат, причем сам заколол 3-х немцев»<sup>5</sup>. Орден Красной Звезды заслужил за то, что «в бою за дер. Паулен в Восточной Пруссии 15.2.1945 года тов. Таньков отличился при отражении контратаки противника. Быстрой и точной наводкой орудия он подавил огонь трех пулеметных точек противника и тем содействовал успешному отражению контратаки. Отбивая вторую контратаку, он двумя выстрелами подбил автомашину с пехотой противника»<sup>6</sup>.

В представлениях к наградам подвиги военнослужащих иногда преувеличивались, чтобы выглядели посolidнее. Но, судя по мемуарам Танькова, в случае с медалью «За отвагу» все так и обстояло: он действительно подбил танк, причем это был единственный подбитый им из противотанкового ружья танк за все время, пока Таньков служил. А бой 5 июля 1944 года, за который он потом получил орден, Таньков описал подробно:

«Хотя сегодня в наступлении на нас принимало участие больше немецких солдат, но им не удалось прорваться. Количество немецких трупов увеличилось, особенно перед нашим отделением ПТР. Сколько их было? Никто не считал. В моей памяти сохранилась цифра 20–25 трупов [за два дня боев, 4-го и 5 июня. – Б.С.], лежащих перед нашим отделением» (с. 372–373).

Таньков описывает и рукопашный бой – единственный, в котором ему пришлось принять участие:

«Мы углубились в лес от его опушки метров на 15–20, и вдруг перед нами как-то неожиданно, как будто выросли из-под земли, появились немцы, и тут же завязался ближний рукопашный, штыковой бой. К такому бою, если не все, то почти все, наши бойцы были готовы. [...] Один немец оказался впереди меня на расстоянии примерно длины винтовки со штыком. На какой-то миг я

<sup>4</sup> Таньков Николай Федорович 1924 г.р. (<https://podvignaroda.ru/?id=21033888&tab=navDetailManAward>).

<sup>5</sup> Там же.

<sup>6</sup> Там же.

опередил немца и выстрелил ему в упор в грудь. Немец упал за-  
мертво. Далее – без подробностей. Смотрю, почти в упор в меня  
целится из винтовки фриц. Я отскочил в сторону, и в то же время  
прозвучал выстрел, но мимо меня. Я тут же ударил стрелявшего  
в меня немца штыком в грудь, не дав ему возможности перезаря-  
дить винтовку (карабин). В то время со мной был один из случаев,  
довольно часто встречавшихся на фронте в бою, когда миг стоил  
жизни. [...] Видимость из-за кустарников была очень маленькая,  
4–5 метров. Непонятно было, кто в кого стреляет. Стали слышны  
стоны раненых. В этой сумятице можно было выстрелить и в сво-  
его. Еще одного фашиста штыком в бок ударил (заколол), который  
из-за дерева вел стрельбу в нашу сторону и не заметил меня, как  
я подошел к нему слева. Мы медленно продвигались в глубь леса.  
Некоторые немцы бросали винтовки и поднимали руки, говоря:  
“Титлер – капут, Сталин – гут”. Большинство же фрицев, отстрели-  
ваясь, отходили в глубь леса. Еще одного гитлеровца, не подняв-  
шего руки и пытавшегося убежать в глубь леса, уничтожили вы-  
стрелом из винтовки. Рукопашный, штыковой бой в лесу длился  
по времени недолго, не более пяти минут, но потребовал высочай-  
шего напряжения физических, моральных, психологических сил,  
не поддающегося описанию» (с. 373–374).

Бой в Восточной Пруссии, за который он получил орден  
Красной Звезды, Таньков описал так:

«Несмотря на страшный риск, высунув голову из-за щита, чтобы  
увидеть, откуда немецкий пулеметчик по нам стреляет, увидел,  
как струя трассирующих пуль как бы выходит из небольшого окна  
полуподвального дома и летит к нам. Нагнулся, посмотрел: пере-  
крестие панорамы находилось правее и выше окна. Быстро повел  
поворотным и подъемным механизмом перекрестие в основание  
окна и дернул шнур. Снаряд разорвался на стене у самого окна,  
справа. Пока я с помощью механизмов восстанавливал сбившуюся  
наводку, заряжающий зарядил пушку, а замковый закрыл замок.  
Дернул опять шнур. Разрывом снаряда на какой-то миг окно было  
занавешено, если можно так сказать. Этот пулемет замолчал. Вто-  
рой пулемет из того же подвального дома вел огонь над головами  
наших пехотинцев, чтобы препятствовать им подняться в атаку.  
Пехота действительно не могла подняться. Пулеметы скосили бы  
наших бойцов, которых на снегу лежало не так уж много. После  
того, как замолчал первый пулемет, я перенес стрельбу по вто-  
рому пулемету, который после второго выстрела тоже замолчал»  
(с. 477–478).

После окончания боя Таньков посетил подвал, где находи-  
лись два пулемета, и нашел там трех убитых немцев (с. 480).  
Также он отмечает, что подбил во время второй контратаки  
немцев машину противника, у которой, по словам пехотинцев,  
в результате взорвался мотор (с. 479–480). Здесь, как и в дру-  
гих местах, мемуарист описывает такие детали военного оби-

хода, которые почти не встретишь в мемуарах не только генералов и маршалов, но и майоров и полковников.

БОРИС СОКОЛОВ

ПРАВДА СОЛДАТА

«[Когда началась германская контратака] по пехоте согласно наставлениям нужно было стрелять осколочными снарядами, [...] для этого нужно у головки взрывателя отвинтить колпачок, который зимой, во время холода, [...] не отвинчивался. Плоскогубцы находились в ящичке на передке. Шишов [...] взял топор, зажал между ногами снаряд и бородавкой топора тихонько стал ударять по зазубринам колпачка взрывателям. Таким образом он сдвигал с места колпачок, а потом отворачивал его рукой, а снаряд отдавал заряжающему. Хотя теоретически при механическом воздействии на колпачок с целью его выворачивания снаряд не должен взрываться, однако, глядя на Шишова, как он наносит удары бородавкой топора по боковой стороне головки взрывателя, как-то по спине пробежал холодок. А о Шишове подумал: ну и смелый человек. Знать, что снаряд не должен взорваться, – это одно, а сидеть верхом на снаряде и тюкать острой частью топора по головке взрывателя – другое. Кто его знает – а вдруг сработает взрыватель. [...] Правда, когда контратаку отбили, а пехота сама пошла и заняла деревню, Шишов в разговоре сказал, что снаряд не должен был взорваться. Не думаю я, что Шишов не допускал взрыва снаряда. Дело в другом. Фрицы идут, а их надо остановить, лучше уничтожить, и тут приходилось рисковать и жизнью. Два снаряда Шишов сделал осколочными. Поглядел на немцев. А расстояние между нами стало сокращаться, видя это, он бросил топор, выругался, стал подавать снаряды, не отвинчивая колпачков. И правильно сделал, потому что земля мерзлая и снаряд при ударе о нее глубоко не войдет, взорвется. Таким образом, осколков будет много для поражения пехоты.

При стрельбе снарядами с колпачком (осколочно-фугасными) при мягком грунте снаряд входит в землю и много осколков при взрыве останется в земле. Без колпачка снаряд при ударе о землю тут же взрывается, и все его осколки летят над землей» (с. 479).

В книге Танькова есть описания подвигов, но их немного. Так, во время боя у реки Прони замполит 1091-го стрелкового, подполковник Иван Прохоров, узнав, что не все в ротах поднялись в атаку, сам поднялся в атаку, чтобы «увлечь личным примером бойцов нашего батальона, коммунисты так делали на фронте; во время атаки он был ранен в живот» и умер в госпитале (с. 164–165). Но в целом воспоминания Танькова о войне совершенно лишены героического пафоса. Война для него и его товарищей – это тяжелая и смертельно опасная работа, где на фронте можно погибнуть в любой момент и где есть две главных задачи: остаться в живых и нанести поражение врагу, причем первую задачу надо решать не в ущерб второй. Интересно, что Таньков приводит только один предпологаемый случай перехода к немцам в своем полку, когда двое





новобранцев пропали без вести, оставив в окопе противотанковое ружье. Впрочем, нельзя исключить, что их захватила в качестве «языков» германская разведгруппа. В учебной бригаде такие случаи были – и дезертиров, а также самострельщиков приговаривали к расстрелу, но, возможно, не расстреливали, а отправляли в штрафные части (самострельщиков – только в случае, если после излечения они могли продолжать службу, а ставших непригодными к службе расстреливали). Ни одного расстрела перед строем ни на фронте, ни в тылу мемуарист не помнит. Надо отметить, что на фронте в то время – учитывая, что Красная армия почти всегда наступала, – дезертировать или перебежать к немцам было почти невозможно, да и у красноармейцев, уже не сомневавшихся в конечной победе, не было таких стимулов дезертировать, которые могли бы пересилить угрозу расстрела.

Мемуары Танькова свидетельствуют и о военном быте. Скажем, в большинстве советских, да и российских фильмов про Великую Отечественную войну красноармейцы, как правило, обуты в сапоги. Они попали в песню Булата Окуджавы «До свидания, мальчики» («Сапоги – ну куда от них денешься?»). Между тем Таньков свидетельствует, что даже во второй половине войны по сапогам безошибочно издали узнавали офицеров. Солдаты же сплошь обувались в ботинки с обмотками («солдаты ходили в обмотках, я обмотки снял только в августе 1945 г. в военном училище») (с. 165).

Согласно Танькову, немцы на фронте жили с бóльшим комфортом, чем красноармейцы. Когда он и его товарищи зашли в только что оставленный немцами блиндаж, то увидели следующее:

«Печку железную, много пустых бутылок из-под вина или водки, котелки, одеяла, которые лежали на нарах. Бытовые условия немцев были лучше, чем у наших пехотинцев, которые не всегда даже в обороне имели окоп с перекрытием» (с. 166).

Мемуарист сравнивает содержание ранца немецкого солдата и вещмешка красноармейца:

«У немца в ранце было мыло в мыльнице, зубная щетка, зубная паста, безопасная бритва, флакончик одеколона, носовые платки и, конечно, полотенце. Кроме туалетных принадлежностей, были: котелок, галеты, масло в круглой пластмассовой масленке с винтовой нарезной крышкой (эти масленки наши красноармейцы стали использовать для хранения махорки), фотокарточки и много еще всякой всячины. В моем вещмешке были: мыло, полотенце, котелок, ложка (чаще она была в брючном кармане), иногда бумага для писем, карандаш, патроны и гранаты» (с. 390–391).

Мемуары Танькова – это правдивый рассказ о войне, не скрывающий ее неприглядных сторон – смерти, ранения, грязь, вши: «Некоторые говорят, что война – это работа. Да какая это работа? Война – это трагедия» (с. 375). Судьбу же самого мемуариста можно назвать счастливой. Таньков уцелел, хотя полтора года находился на фронте и был трижды ранен. После войны он счастливо женился по любви, получил высшее образование, сделал успешную карьеру в армии, а после выхода на пенсию преуспел на гражданке.

**БОРИС СОКОЛОВ**

ПРАВДА СОЛДАТА